

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Э. Шумахер

Малое прекрасно: экономика, в которой люди имеют значение*

ШУМАХЕР Эрнст (Schumacher, Ernst Friedrich, 1911–1977) — выдающийся британский экономист немецкого происхождения. Более 20 лет являлся главным консультантом по экономическим вопросам в Национальном управлении угольной промышленности Великобритании (*British National Coal Board*).

Перевод с англ.
Д. О. Аронсона

Источник:
Schumacher E. F. 1973. *Small is Beautiful: Economics As if People Mattered*. New York: Perennial Library, Harper & Row.

В статьях, включённых в сборник «Малое прекрасно» (1973) влиятельного мыслителя Э. Ф. Шумахера (1911–1977), предлагается революционный взгляд на экономическую структуру западного мира. Шумахер утверждает, что стремление человека к прибыли и прогрессу, которое ведёт к образованию гигантских организаций и всё большей специализации, на самом деле оборачивается экономической неэффективностью, загрязнением окружающей среды и бесчеловечными условиями труда. Автор бросает вызов доктрине экономической, технологической и научной специализации и предлагает систему «промежуточных технологий», основанную на небольших рабочих единицах, новых отношениях собственности и использовании местного труда и ресурсов.

Журнал «Экономическая социология» публикует небольшой отрывок «Вопрос размера» («A Question of Size») из книги Э. Ф. Шумахера, в котором автор убедительно доказывает, что экономика как научная дисциплина должна иметь дело с миром людей, а не с миром товаров и абстрактных категорий.

Ключевые слова: вопрос масштаба; мобильность; социальные структуры; государство; экономическая наука.

Часть 1.5. Вопрос размера¹

Я был воспитан на такой интерпретации истории, согласно которой вначале была семья; потом семьи сошлись вместе и образовали племена; потом группы племён образовали нации; потом группы наций слились во всякие «Союзы» и «Соединённые Штаты»; и вот, наконец, можно было предвкусить возникновение единого Мирового правительства. С тех пор, как я впервые услышал эту правдоподобную историю, описанный процесс не переставал вызывать у меня чрезвычайный интерес, но я не мог не обратить внимание, что, в действительности, похоже, происходит нечто обратное: стремительный рост числа национальных государств. Когда около 25 лет назад возникла Организация Объединённых Наций, она насчитывала около 60 членов; к сегодняшнему дню их число увеличилось более чем вдвое и продолжает расти. Во времена моей молодости этот стремительный рост числа государств назывался «балканизация» и считался чем-то очень пло-

* Книга готовится к публикации в Издательском доме НИУ ВШЭ в 2012 г. Фрагмент публикуется с любезного согласия Издательского дома. — *Примеч. ред.*

¹ Основано на лекции, прочитанной в августе 1968 г. в Лондоне; впервые опубликовано в: *Resurgence. Journal of the Fourth World*. 1968. 2 (3). September–October. — *Примеч. ред.*

хим. Хотя плохим его называли абсолютно все, он сохранился и вот уже больше 50 лет продолжается в большинстве частей света. Крупные единицы имеют тенденцию распадаться на более мелкие. Этот феномен, столь оскорбительно-насмешливо противоречащий тому, чему меня учили, нельзя оставить незамеченным независимо от того, одобряем мы его или нет.

Во-вторых, я был воспитан на теории, согласно которой, чтобы процветать, страна должна быть большой — чем больше, тем лучше. Это тоже казалось вполне правдоподобным. Взгляните на добисмарковскую Германию, которую Черчилль назвал кучкой «хлебопекаренных княжеств»; а затем взгляните на бисмарковский рейх. Разве неправда, что процветание Германии стало возможным только благодаря её объединению? Тем не менее немецкоязычная Швейцария и немецкоязычная Австрия, хотя и не объединились, в экономическом отношении были столь же успешны, а если составить список самых процветающих стран в мире, то окажется, что большинство из них очень маленькие, тогда как в списке самых больших стран в мире большинство очень бедные. И это тоже даёт пищу для размышлений.

И, в-третьих, я был воспитан на теории «экономии от масштаба»: современная техника обуславливает тенденцию к постоянному укрупнению фирм и отраслей, а также наций. И действительно, на сегодняшний день число крупных организаций, а возможно, и сам их размер, больше, чем когда-либо в истории. Но число мелких единиц в таких странах, как Великобритания и Соединённые Штаты, тоже растёт (и уж точно не падает). Многие из этих мелких единиц процветают: именно им общество обязано большинством действительно плодотворных новшеств. Опять же примирить теорию с практикой совсем нелегко, и любого, кто вырос на этих трёх сопутствующих друг другу теориях, нынешняя ситуация конечно же немало сбивает с толку.

Даже сегодня всюду слышны разговоры о фатальной необходимости гигантских организаций, но, присмотревшись внимательнее, мы замечаем, что зачастую, как только организация достигает огромного размера, в ней сразу же разворачивается энергичная деятельность по созданию малого на основе большого. Выдающимся достижением господина Слоуна была реструктуризация гигантской компании *General Motors* таким образом, что она, по сути, превратилась в федерацию фирм более разумной величины. Попытки сходного переустройства корпорации *British National Coal Board*, одной из крупнейших в Западной Европе, предпринимались во времена председательства лорда Робенса. Были приложены значительные усилия по внедрению такой структуры, при которой сохранилась бы единая большая организация и в то же время возник бы такой «внутренний климат», какой бывает в федерациях, состоящих из множества «квазифирм». Монолит был переделан в хорошо координируемое собрание живых, полуавтономных единиц, каждая — со своими собственными амбициями и командным духом. Пока многие теоретики (возможно, не слишком знакомые с реальной жизнью) продолжают поклоняться большим размерам, практики, живущие в настоящем мире, обнаруживают колоссальное стремление там, где это возможно, выиграть за счёт удобства, человечности и управляемости малого. И эту тенденцию каждый может заметить сам.

Теперь рассмотрим предмет под другим углом и спросим, что нам, собственно, *нужно*. Похоже, что в делах людей всегда есть потребность по меньшей мере в двух, казалось бы, несовместимых и исключаящих друг друга вещах одновременно. Нам всегда нужны и свобода, и порядок сразу. Нам нужна свобода огромного множества малых, автономных единиц и в то же время упорядоченность и скоординированность масштабного, по возможности — всемирного, единства. Когда речь идёт о действиях, нам явно нужны малые единицы, поскольку действие — личное дело каждого, а каждый отдельный человек в каждый отдельный момент времени может поддерживать связь лишь с очень ограниченным числом людей. Но когда речь идёт о мире идей, о принципах или об этике, о неделимости мира, а также об экологии, мы должны осознать единство человечества и планировать свои действия соответствующе. Или, выражаясь иначе, хотя и верно, что все люди — братья, но столь же верно и то, что, если гово-

речь о деятельных личностных взаимоотношениях, мы можем быть братьями лишь немногим; им мы призваны оказывать больше братской поддержки, чем могли бы оказать всему человечеству. Каждому знакомы люди, запросто рассуждающие о человеческом братстве и при этом враждебно относящиеся к ближним, а также люди, у которых прекрасные отношения со всеми ближними и страшные предрассудки по поводу всех, кто находится за пределом их круга общения.

Что я хотел бы подчеркнуть, так это *двойственность* человеческих запросов в отношении размера. Нет единого решения. Для разных целей человеку нужны разные структуры, как малые, так и большие, как исключительные, так и всеобъемлющие. Между тем людям, как правило, сложно держать в голове сразу две истины, если на первый взгляд они противоположны друг другу. Люди всегда склонны требовать однозначного окончательного решения — как будто в реальной жизни бывают какие-то окончательные решения, кроме смерти. Задача любой созидательной работы всегда так или иначе состоит в восстановлении равновесия. Сегодня люди почти повсеместно страдают чрезмерным поклонением гигантизму. Поэтому необходимо настаивать на преимуществах малого — там, где они имеют место. (Если бы господствовало поклонение малому, пришлось бы приложить усилия в противоположном направлении.)

Есть другой способ учесть вопрос масштаба: просто нужно провести различия, расставить всё по местам. Каждому виду деятельности подходит свой масштаб, и чем более активный и глубоко личный характер она имеет, чем меньшее количество людей может принимать в ней участие, тем больше нужно установить порядков, обеспечивающих такие взаимоотношения. Возьмём, к примеру, обучение: споры о преимуществе обучающей машины перед некоторыми другими формами преподавания бесконечны. Что ж, давайте проведём различие. Чему мы хотим научить? Сразу же становится очевидным, что одним вещам можно научить только при условии очень тесного личного контакта, тогда как другим *en masse*² — посредством радио- и телеэфира, обучающих машин и т. д.

Какой масштаб подходящий? Это зависит от того, что мы пытаемся сделать. Вопрос масштаба крайне остро стоит сегодня в политических, общественных и экономических делах, да и вообще почти везде. Каков, например, подходящий размер для города? Или: каков подходящий размер для страны? Сегодня это серьёзные и трудные вопросы. Нельзя получить ответы на них, попросту введя данные в вычислительную машину. Вещи, имеющие в нашей жизни по-настоящему серьёзное значение, не поддаются подсчётам; мы не можем напрямую рассчитать, что является правильным, но мы очень даже хорошо знаем, что неправильно! Мы способны распознать правильное и неправильное в их крайних проявлениях, хотя и не в состоянии судить о них настолько точно, чтобы говорить: «Это должно увеличить на 5%...» или «Это должно на 5% уменьшить...».

Возьмём вопрос о размере города. Хотя точного ответа на подобный вопрос дать нельзя, думаю, можно вполне уверенно утверждать, что желательный размер города, скорее всего, не должен быть рассчитан более, чем на полмиллиона жителей. Совершенно ясно, что превышение городом такого размера не создаёт никаких дополнительных преимуществ. Тот факт, что в Лондоне, Токио или Нью-Йорке счёт идёт на миллионы жителей, не увеличивает реальную ценность этих городов, но лишь создаёт огромные проблемы и ведёт к человеческой деградации. Возможно, поэтому величина порядка 500 тыс. жителей могла бы считаться верхним допустимым пределом. Куда большую трудность представляет вопрос о нижнем пределе для действительно большого города. Даже самые огромные из городов, о которых рассказывает история, были по меркам XX века очень малы. Не вызывает сомнений, что инструменты и институты культуры города зависят от величины накопленного в данном городе благосостояния. Но то, насколько большое благосостояние жители хотят накопить, зависит, в свою очередь, от того, какому типу культуры они привержены. Философия, искусство и религия стоят очень — очень! — небольших

² Преимущественно, в подавляющем большинстве случаев (*франц.*). — *Примеч. ред.*

денег. Другие типы так называемой высокой культуры, такие как космические исследования или сверх-современная физика, стоят уйму денег, но несколько далеки от реальных нужд людей.

Я поднимаю вопрос о подходящем размере больших городов не только потому, что он важен сам по себе, но и потому, что он, как мне представляется, имеет самое прямое отношение к вопросу о размерах наций.

Упомянутое мною поклонение гигантизму является, возможно, одной из причин (и точно — одним из следствий) развития современной техники, особенно транспорта и средств коммуникаций. Высокий уровень развития транспортной и коммуникационной систем имеет одно безмерно значимое следствие: он даёт людям свободу перемещения.

Миллионы людей, влекомые огнями большого города, начинают переезжать, бросая деревни и маленькие городки, чтобы отправиться в огромные города и стать причиной их ненормального роста. Взгляните на Соединённые Штаты — страну, где этот процесс представлен, наверное, лучше всего. Социологи изучают проблему *мегалополисов*, ибо города стали уже слишком велики, чтобы называться метрополиями. Исследователи беззаботно рассуждают о постепенном сосредоточении населения Соединённых Штатов на трёх полюсах, в трёх необъятных мегалополисах: первый — полностью застроенная область от Бостона до Вашингтона с населением 60 млн человек; второй — вокруг Чикаго, ещё 60 млн; и третий — на Западном побережье, от Сан-Франциско до Сан-Диего, тоже полностью застроенная область с населением 60 млн человек. Остальная часть страны — на пути к практически полному запустению: заброшенные провинциальные городки и земля, обрабатываемая бесчисленными тракторами, зерноуборочными комбайнами и несметным множеством химикатов.

Если представлять себе будущее Соединённых Штатов именно так, то вряд ли оно стоит того, чтобы до него дожить. Но, нравится нам это или нет, это будущее станет результатом того, что люди получили свободу перемещения; результатом той поразительной мобильности рабочей силы, которую экономисты ценят превыше всего.

Всё в этом мире должно иметь *структуру*, иначе это — *хаос*. До наступления эпохи массового транспорта и массовых коммуникаций структура была данностью, поскольку мобильность людей была относительно низка. Те, кто хотел сменить место, делали это, о чем свидетельствует наплыв ирландских святых³, перемещавшихся по всей Европе. Существовали и коммуникации, и мобильность, но не безграничная свобода перемещения. И вот, значительная часть структуры развалилась, и США стали походить на большое грузовое судно с незакреплённым грузом. Возникает крен, весь груз сваливается в кучу, и судно идёт ко дну.

Один из ключевых элементов структуры всего человечества — это конечно же *государство*. А один из ключевых элементов, или инструментов, структуризации (если позволительно воспользоваться этим термином) — это границы, национальные границы. Прежде, до вторжения техники, значение границ было почти исключительно политическим и династическим: они служили ограничителями политической власти, определяя то, как много людей можно собрать для войны. Экономисты боролись с тем, чтобы границы становились экономическими барьерами; это породило идеологию свободной торговли. Но в те времена люди и вещи ещё не обладали такой свободой перемещения: транспорт был достаточно дорогим, чтобы передвижение людей и товаров никогда не превышало незначительного уровня. В доиндустриальную эпоху торговали не предметами первой необходимости, а драгоценными

³ Ирландские святые — первые христиане, проживавшие преимущественно в I тысячелетии н. э. в Ирландии, вдали от Римской империи; сыграли значительную роль в проповедовании христианства в Великобритании, Шотландии и других странах ранней средневековой Европы. — *Примеч. ред.*

камнями, металлами, предметами роскоши, специями и, как ни горько, рабами. Разумеется, товары, предназначенные для удовлетворения основных жизненных нужд, приходилось производить на месте. А миграция населения, за исключением периодов бедствий, сводилась к перемещению людей, у которых, как у ирландских святых или учёных Парижского университета, были на то совершенно особые причины.

Но сейчас мобильными стали каждый человек, каждая вещь. Все структуры находятся под угрозой, все они уязвимы, как никогда прежде.

Экономика, которой, как рассчитывал лорд Кейнс, было предназначено скромное место одной из множества профессий, вроде лечения зубов, внезапно превращается в самую важную дисциплину. Экономическая политика поглощает почти всё внимание государства и одновременно становится ещё более беспомощной. Простейшие вещи, которые всего лишь 50 лет назад можно было сделать без труда, превращаются в невозможные. Чем дальше богатеет общество, тем невыполнимее оказываются стоящие дела, не приносящие немедленной выручки. К экономике относятся с такой рабской покорностью, что она сумела проглотить почти все проблемы внешней политики. «Да, нам не нравится союз с этими людьми, но мы зависим от них экономически, поэтому должны потакать им» — так сегодня рассуждают. Экономика неумолимо поглощает этику и ложится в основу любых других людских соображений. Теперь должно стать совершенно ясным, что такое развитие ненормально. У него, конечно, много корней, но один из очень заметных — колоссальные достижения современной техники в области транспорта и коммуникаций.

Люди, привыкшие смотреть на вещи просто и беззаботно, уверены, что быстрый транспорт и мгновенная коммуникация распахивают перед ними новые измерения свободы (в каких-то весьма тривиальных отношениях это действительно происходит). Они, однако, не замечают того, что эти достижения одновременно ведут к уничтожению свободы, поскольку из-за них в отсутствие разумной политики и разумных мер по смягчению деструктивных последствий такого технологического развития всё становится крайне уязвимым и ненадёжным.

Очевидно, что в больших странах деструктивные последствия более серьёзны, ведь, как мы видели, границы задают «структуру»: порвать с родиной, пересечь границу и пустить корни в другой стране — всё это требует куда большей решительности, чем перемещение в границах собственной страны. Таким образом, фактор свободы перемещения тем значительнее, чем больше размеры страны. Деструктивное воздействие данного фактора можно проследить как в бедных странах, так и в богатых. В богатых странах, таких как Соединённые Штаты Америки, он, как уже упоминалось, приводит к возникновению мегалополисов. Вдобавок этот фактор становится причиной всё более трудно решаемой проблемы деклассированных личностей, людей, которые получили свободу перемещения, но не могут найти своё место в обществе. Со свободой перемещения напрямую связаны и другие ужасающие проблемы: преступность, отчуждение, стресс, распад социальных связей на всех уровнях, включая семью. В бедных странах (особенно, напомним, в больших) этот же фактор вызывает массовую миграцию в большие города, массовую безработицу и, поскольку сельская местность лишается жизненных сил, создаёт угрозу голода. Результат — «дуальное общество», не обладающее каким бы то ни было внутренним единством и крайне подверженное политической нестабильности.

Возьмём для иллюстрации случай Перу. Столица этой страны Лима, расположенная на Тихоокеанском побережье, имела в начале 1920-х годов, то есть всего 50 лет назад, население 175 тыс. человек. Сейчас её население приближается к трём миллионам. Некогда красивый испанский город ныне заполнен трущобами и окружён поясами нищеты, забирающимися в самые Анды. Но это ещё не всё. *Из сельских местностей ежедневно прибывает тысяча человек — и никто не знает, что с ними делать.* Социальная или психологическая структура жизни в глубинке рассыпалась; люди получили свободу

перемещения и начали стекаться в столицу, по тысяче человек в день, чтобы ютиться на клочке свободного пространства (под носом у полиции, которая их гоняет, строить свои лачуги и искать работу). И, повторяю, *никто не знает, что с ними делать; никто не знает, как остановить этот поток.*

Представьте себе, что в 1864 г. Бисмарк присоединил бы к Германии всю Данию, а не только маленькую её часть, и с тех пор ничего бы не произошло. Датчане были бы немецким этническим меньшинством и, вероятно, боролись бы за поддержание своего языка, становясь для этого билингвами — официальным языком был бы, разумеется, немецкий. Только прилежно германизируясь, могли бы они избежать участи граждан второго сорта. Неизбежно имел бы место отток наиболее честолюбивых и предприимчивых (и прилежно германизовавшихся) датчан на юг, вглубь Германии. Каков был бы тогда статус Копенгагена? Отдалённый провинциальный город. Или представьте себе, что Бельгия — часть Франции. Каков был бы статус Брюсселя? Он тоже был бы незначительным провинциальным городом. Нет нужды подробно объяснять почему. А теперь допустим, что Дания в составе Германии и Бельгия в составе Франции внезапно, как сейчас очаровательно выражаются, «спятили»⁴ бы и захотели независимости. Зазвучали бы бесконечные пламенные речи на тему о том, что эти «недостраны» не могут быть экономически жизнеспособными, что их желание независимости свидетельствует (протицируем известного политического комментатора) о «юношеской эмоциональности, политической наивности, приверженности ложной экономике и совершенно бессовестном оппортунизму».

Что же тогда говорить об экономике маленьких независимых стран? Как обсуждать проблему, которая проблемой не является? Нет таких понятий, как «жизнеспособная страна» или «жизнеспособная нация». На самом деле существует лишь проблема жизнеспособности людей: жизнеспособен человек, реальная личность, вы и я. Если индивид стоит на ногах и может заработать себе на жизнь, он жизнеспособен. Люди не приобретут жизнеспособность просто от того, что их соберут вместе в большом количестве и объединят в огромное сообщество. И люди не лишатся жизнеспособности просто от того, что большое сообщество расколется на ряд малых хорошо управляемых групп, основанных на более тесных и лучше согласованных связях. Всё это ясно, как день, и спорить тут совершенно не о чем. Некоторые спрашивают: «Что будет, если страна, состоящая из одной богатой провинции и нескольких бедных, распадется на части из-за отделения богатой провинции?» Скорее всего, ответ будет таким: не произойдет ничего особенного. Богатая часть и дальше будет богатой, а бедные провинции — бедными. «Ну а если до отделения богатая провинция субсидировала бедные, что тогда?» Что ж, субсидии, конечно, могут прекратиться. Но богатые редко субсидируют бедных; чаще они их эксплуатируют, пусть даже исключительно как участников торговых отношений. Эту ситуацию можно слегка маскировать некоторым перераспределением налоговых поступлений или незначительной благотворительной помощью, но последнее, чего хотели бы богатые, — это отделение от бедных.

Обычно всё происходит несколько иначе, а именно: бедные провинции хотят отделиться от богатых, тогда как богатые хотят удержать их, поскольку знают, что эксплуатировать бедных куда проще, когда они находятся в твоих собственных границах. Как же отнестись к бедной провинции, которая желает отделиться, рискуя лишиться субсидий?

Не нам, конечно, решать её судьбу, но что нам обо всем этом думать? Разве проявленное населением такой провинции желание не заслуживает уважения и одобрения? Разве мы не хотим, чтобы люди стали хозяевами своей жизни, самостоятельными, свободными? Таким образом, это тоже не проблема. Поэтому осмелюсь утверждать, что никакой проблемы жизнеспособности не существует, и весь наш опыт говорит об этом. Никто никогда не считал, что для того, чтобы страна могла экспортировать свои товары по всему свету и импортировать отовсюду, ей необходимо присоединить весь мир.

⁴ В оригинале — игра слов: *nats* (англ.) — сокращение от *nationalists* (националисты) — созвучно с *nuts* (англ.) — сумасшедший, чокнутый. — *Примеч. перев.*

А как насчёт абсолютной необходимости иметь большой внутренний рынок? Это ещё одна оптическая иллюзия — отождествлять «большой» рынок с большой территорией внутри политических границ. Нечего и говорить, что лучше иметь процветающий рынок, чем бедный, но располагается ли этот рынок вне политических границ или внутри них — это на положение дел особо не влияет. Никогда не слышал, чтобы Германии обязательно нужно было присоединить Соединённые Штаты, чтобы в больших количествах экспортировать на этот весьма процветающий рынок «фольксвагены». Зато когда бедное сообщество оказывается политически привязано к богатому или управляемо им, это действительно влияет на положение дел. Почему? Потому что в мобильном обществе, где люди имеют свободу перемещения, действие «закона неравновесия» гораздо сильнее, чем действие так называемого закона равновесия. «Кому поведётся, у того и петух несётся», а у кого-то и куры не несутся. Провинция, которой «повелось», высасывает все соки из менее удачливой, а слабые, не имея защиты от сильных, лишены шансов; они либо так и останутся слабыми, либо присоединятся к сильным, либо из неё можно эмигрировать. Помочь себе самостоятельно они не в силах.

Самая важная проблема второй половины XX века — это географическое распределение населения, вопрос «регионализма». Но под регионализмом здесь понимается не объединение множества государств в зоны свободной торговли, а нечто противоположное — развитие всех регионов внутри каждой страны. По сути, сегодня это самая важная тема на повестке дня всех крупнейших стран. Национализм, столь распространённый сегодня среди национальных меньшинств, как и стремление к самоуправлению и так называемой независимости, — все это не что иное, как логичная и рациональная реакция людей, чей регион нуждается в развитии. Особенно это касается бедных стран, в которых населению не на что надеяться, пока не начнётся успешное региональное развитие, не будут приложены усилия по развитию территорий, лежащих вне столичного города и включающих всю сельскую местность, где живут и работают люди.

Если таких усилий никто не прилагает, то у бедняков остаётся один выбор — либо продолжать влачить жалкое существование у себя дома, либо эмигрировать в большой город и влачить ещё более жалкое существование. Странно, что конвенциональная мудрость экономической науки наших дней бессильна помочь бедным.

Эта мудрость неизменно доказывает эффективность такой политики, результатом которой на самом деле становятся власть и обогащение тех, кто и так богат и властен. Она доказывает, что выгодно развивать только ту промышленность, которая сосредоточена как можно ближе к столице или другому большому городу, но никак не в сельской местности. Она доказывает, что крупные проекты экономически неизменно более целесообразны, чем малые, а капиталоемкие следует всегда предпочитать трудоёмким. Экономическое исчисление в том виде, в каком его практикует экономика наших дней, заставляет промышленников избавляться от человеческого фактора, потому что машины не делают тех ошибок, которые делают люди. Результат — колоссальные усилия по автоматизации человеческой деятельности и стремление к образованию всё более крупных организационных единиц. Это означает, что те, кому нечего продавать, кроме своего труда, остаются в наихудшем рыночном положении, какое только возможно. Конвенциональная мудрость экономики (точнее, того, чему сейчас учат под этим названием) игнорирует бедных — тех самых людей, кому развитие действительно нужно. Экономика гигантизма и автоматизации — пережиток условий и мышления XIX века; она совершенно не способна решить какие бы то ни было реальные проблемы наших дней. Нужна совершенно новая система мышления — система, основанная на первоочередном внимании к людям, а не к товарам (товары позаботятся о себе сами!). «Производство массами, а не массовое производство» — такой фразой можно было выразить её суть. Вместе с тем, то, что было невозможно в XIX веке, оказалось возможным в веке двадцатом. И меры, отказ от которых в XIX веке был если не неизбежен, то, по крайней мере, понятен, стали абсолютно неотложными. Речь идёт о сознательном использовании нашего огромного технического и научного потенциала для борьбы с нищетой и человеческой деградацией. Такую борьбу нужно

вести в тесном контакте прежде всего с реальными людьми — с индивидами, семьями и малыми группами, а не с государствами и прочими анонимными абстракциями, что предполагает политическую и организационную структуру, которая сможет обеспечить этот тесный контакт.

Что кроется за такими понятиями, как «демократия», «свобода», «человеческое достоинство», «уровень жизни», «самореализация», «чувство удовлетворённости»? Что описывают с их помощью — мир товаров или мир людей? Разумеется, мир людей. Но люди могут быть собой лишь в малых, ясно обозримых группах. Таким образом, мы должны научиться мыслить в категориях гибкой структуры, способной иметь дело со множеством мелкомасштабных единиц. Если экономическое мышление не способно на это, то оно бесполезно. Если оно не может выйти за рамки необъятных абстракций, таких как «национальный доход», «темпы роста», «капиталоотдача», «анализ “затраты — выпуск”», «мобильность рабочей силы», «накопление капитала», и коснуться реалий человеческой жизни — бедности, фрустрации, отчуждения, отчаяния, нервных расстройств, преступлений, эскапизма, стрессов, столпотворений, уродства, духовной смерти, то давайте выбросим экономику в мусорное ведро и начнём с чистого листа.

Разве недостаточно «знаков времени», показывающих, что начать с начала необходимо?